

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ГРУЗ-200

Надежда Нелидова

Груз-200

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Груз-200 / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968195-9

...И снится ей сон. Будто среди ночи раздается звонок в дверь. Подходит она, готовая к чему-то, в белом плаще. Открывает — Антон с другом: высокие, красивые, оба с рюкзаками. Жадно, жадно тянет она руки обнять сына. А порог перешагнуть не может — и медленно сползает по стене на пол. И слышит над собой голоса. Друг спрашивает: «Антон, чего это твоя фотография на столе в черной рамке?» Сын молчит. «А с мамой твоей что такое?» Сын снова молчит. А потом говорит: «А с мамой сейчас всегда так будет».

ISBN 978-5-44-968195-9

© Нелидова Н.

© Издательские решения

Содержание

ЕГО АФГАН	6
И СНИТСЯ ЕЙ СОН...	10
ГРУЗ 200	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Груз-200

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-8195-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕГО АФГАН

Всего пятнадцать минут ей бывает нужно, чтобы попасть из царства мёртвых в царство живых. Не торопясь, спуститься с холма, не спеша перейти мостик над тихой речкой, взойти на другой холм с раскинувшимся селом.

Здесь пылят редкие машины, кудряво поднимаются дымки над избами, возятся в огородах женщины, приветливо и уважительно приветствуя её из-за изгородей. Здравуются непоседливые ребятишки, торопятся в школу, где она сорок лет работала завучем, потом – директором.

А там, за спиной – тишина. Шелестят деревья, качают верхушками вековые ели...

Как они с мужем противились, когда сын сказал: хочу быть военным. Её детство пришлось на годы войны. В десять лет она возглавила овцеводческую ферму. Такая вот заведующая-кнопка, не сразу среди кудрявых подопечных отыщешь. Долго в ней жил страх, когда вспоминала, как выла соседка, получив похоронку на мужа.

Но сын настоял на своём, подал документы в Дальневосточное общевойсковое военное училище имени Рокоссовского. К учёбе готовил себя заранее, любил математику, физику, электротехнику, автодело. Отлично стрелял. Как-то подростком принёс с охоты восемь белочек, ни у одной шкурка не повреждена: сестрёнке на шапку.

В старших классах завёл цитатник, куда выписывал запомнившиеся выражения из книг.

Эйнштейн: *«Живу, недоумевая, всё время хочу понять...»*

Горький: *«Если я только для себя, то зачем я?!»*

Вступительное сочинение писал на тему: «Подвиг Андрея Болконского».

Шло лето 1972 года, небывало знойное, душное. По всей стране горели торфяные болота. Горькие дымы стлались вдоль железнодорожного полотна, было трудно дышать в прицепном вагоне «Москва- Благовещенск». Дальше – служба. В газете Дальневосточного военного округа писали: «За подразделением лейтенанта Шиляева прочно укрепилось звание передового. Его подчинённые в „бою“ стремительно „уничтожили“ противника».

Сплошные кавычки. Скоро эти слова станут реальностью, без кавычек. Но это потом.

А пока он приехал в отпуск: здоровяк, весельчак, раскинул руки – обнять родных. Вызвался сходить на покос с учителями вместо отца (в те времена школа помогала окрестным

колхозам косить траву, копать картошку, садить сосенки, вязать лён...) Отправились вместе с женой Катюшей.

В жару пожилому учителю стало плохо. Ни врача рядом, ни аптечки – все как-то растерялись, забегали. Кроме Леонида – он взял учителя на руки, долго нёс его к машине, перешёл вброд речку. Спустя ровно десять лет его отец на покосе же схватился за грудь и упал. И умер. Но это потом.

Пока всё прекрасно, светло, замечательно. Практика в Уссурийске в знаменитом румынском полку (позже им командовал Руслан Аушев). В потрёпанной записной книжке появляются новые строки.

Марк Аврелий: *«Наша жизнь такая, какой её делают наши мысли».*

Леонид Леонов: *«Меньше говорить, да больше делать, а ещё больше думать».*

В 24 года он вступил в Коммунистическую партию.

Ввод советских войск в Афганистан. Когда они с друзьями летели в южном направлении, были уверены, что три месяца проведут в Ташкенте для спецподготовки. Но самолёт пересёк границу и приземлился в районе Кабула.

«Кабул находится на высоте двух километров в котловане между гор, и топят здесь жарко», – пошутил он в первом письме. Всего их, писем, будет восемь. – Провожаем моего заменщика в аэропорт. Он сегодня самый счастливый человек». Вот только в одной фразе и позволил проскользнуть непрошеным тоскливым ноткам по отчету дому, по крошке-сыну, по молодой жене.

«Очень тепло встретили новые товарищи. Чувствую себя, как в родной семье... В Джелалабаде пальмы зелёные, на улицах, как собаки, бегают обезьяны... Работы много, поэтому подъём в пять часов. Построили себе баню из камней. Каждый раз, как иду мыться, вспоминаю нашу, утонувшую сейчас в сугробах, с берёзовым веничком».

«В Кабуле живём в модуле. Купили телевизор. В Афганистане это редкость. Имеем возможность посмотреть иногда фильмы советские».

Почти письма с южного курорта – если бы то тут, то там скупо, отрывисто не промелькивало: «Завтра идём в рейд...» «Хожу в сопровождении колонн...» «Письмо допишу позже, меня вызывают...» Его рота охраняла трассу Термез-Кабул. В первый же дни – боевое крещение: несколько суток удерживали мост через реку.

...Получен приказ: окружить и уничтожить вражескую группу. Паёк выдан на трое суток, а преследовали душманов 17 дней и ночей. Курорт...

«За меня не беспокойтесь, – пишет он. – Каждый человек должен испытать себя на трудностях жизни». Почти перекликается с записью в цитатнике: «Выбор делается один раз. Жизнь не кино, в ней не бывает дублей».

Письма, из пекла летящие в далёкую маленькую Удмуртию, полны глубокой, трепетной нежности. Маму и папу он просит не переживать и следить за своим здоровьем. Хрупкую жену Катюшу – не грустить. Просит, чтобы сына, названного в честь деда Витюшей, растили настоящим мужчиной и поскорее научили читать. Тогда он будет писать ему отдельные письма крупными печатными буквами.

Однажды прислал сынишке поздравительную телеграмму с днём рождения. Тот крепко обнял бланк ручонками и даже во сне не выпустил, так и проспал всю ночь. Через одиннадцать месяцев двадцативосьмилетний капитан Леонид Шиляев приехал в отпуск. В белокурых волосах поблёскивала седина.

Он рассказывал, как трудно живут афганские крестьяне: в некоторых кишлаках не видели электрических лампочек! Дрова таскают на спине. Продают поленья на вес, тщательно взвешивая. Один килограмм стоил 70 афганей.

В Советском Союзе афганской войны не существовало. Он не имел права говорить то, что видел, в чём участвовал. Когда мать и сын остались наедине, Валентина Филипповна задала вопрос, который давно мысленно готовила:

– Я историк, Лёня. Это нужно знать не только мне.

– Хорошо. Но не говори папе и Кате – они расстроятся.

... На разведку в кишлак были посланы три бойца. Они не вернулись в назначенное время. С белым флагом на переговоры пошла вторая группа. Дьявольски красивые, смугло-грязные «духи», дружелюбно смеясь, пообещали: «Завтра вернутся ваши разведчики». Назавтра солдаты вошли в кишлак. На площади лежали трупы: выколотые глаза, обрезанные языки, вспоротые животы. Именно в тот день сослуживцы ему сказали: «Лёнь, да ты у нас засеребрился».

Вдова Екатерина Николаевна с болью говорит:

– После Чечни офицеров выставляют как грубых бездарных солдафонов. Какая глупая и злая ложь. Муж рассказывал: за каждого убитого, даже раненого бойца командира ждало наказание. На самые сложные задания ходили сами офицеры.

Дважды его представляли к награждению орденом Красной Звезды, и дважды снимали. За что? Вот один случай. Деревя в гористой местности нет, даже навес не из чего соорудить. Хранили ящики с боеприпасами штабелями, под открытым небом. Часовые их охраняли. Однажды ночью солдат заметил недалеко от ящиков движение. Окликнул – тишина. После двух предупредительных выстрелов в воздух открыл огонь на поражение. Утром выяснилось, что убит четырнадцатилетний афганский мальчик.

Утром началась разборка. Из деревни, где жил мальчик, прибыли его родственники. Дело ограничилось выдачей родственникам убитого нескольких мешков сахара и крупы. А «сверху»: наказанием капитана Шиляева.

Некоторые новобранцы гибли по глупости. Уходили в самоволку, чтобы закупить в лавчонке восточных сладостей, в пяти минутах ходьбы от КПП. И исчезали. Насовсем. Либо находили их подброшенными, как тех, на площади.

После одной боевой операции, где был уничтожен главарь банды, в модуль Леониду подбросили записку: «У нас есть твоя фотография. Живым из страны не выпустим».

Афганской войны в Советском Союзе продолжало не существовать. Родина ударно трудилась, пополняла закрома, строила БАМ. Пела «Миллион алых роз», танцевала входящий в моду брейк, теснилась в очередях за дефицитом...

... – Страшно, Лёничка? – спрашивала она.

– Нет, мама, не страшно. – И, подумав, уточнил: – В бою не страшно.

Ранней весной он ещё приезжал на трое суток. Его переводили на самые передовые позиции. («Сейчас мне кажется, – припоминает Валентина Филипповна, – Лёне, как смертнику, давали возможность проститься с родными»).

Он сопровождал восемь «чёрных тюльпанов» – цинковых гробов с останками солдат. В городе Салавате потерявшие от горя рассудок родственники убитого башкира пытались вскрыть запаянный гроб. Готовы были растерзать его, офицера Советской Армии, видя в нём представителя власти, погубившей на чужбине их сына. «Сам- то небось живой!»

– В фольклоре солдат- афганцев есть песня о «чёрном тюльпане», – мучительно вспоминает она, – не дословно, что- то вроде: «...Едут на Родину милую в землю залечь. В отпуск бессрочный, рванные в клочья...» – и не закончила, беспомощно заплакала. – Сейчас выну его афганскую панаму, выгоревшую, белую, солоноватую от пота. Уткнушь, понюхаю... Всё ещё пахнет Лёней.

Уезжая, он шутил, подтрунивал по поводу повешенных носов. В последнюю минуту синие глаза посерьёзтели, улыбка исчезла из-под пшеничных усов. Твёрдо, точно кого-то убеждал, сказал:

– Я обязательно вернусь. Обязательно.

Росистым августовским утром Валентина Филипповна вышла из дому. Зрели в парниках огурцы, наливались бордовым соком помидоры. Земля по-матерински хлопотливо торопилась вскормить всё жадно и молодо произрастающее на ней.

На изгороди по всему периметру огорода, будто старухи, закутанные в пыльные серые шали, почти на каждом столбике сидели нахохленные крупные вороны. Никогда она их не видела столько. Обычно шумливые, они загадочно молчали и поглядывали на неё блестящими бусинками глаз. «Кыш, кыш, проклятые!» Домой вернулась, задохнувшись, держась за сердце. Объяснила невестке Кате:

– Ворон гоняла. Да что это за напасть, откуда столько?!

Было 5 августа 1984 года. В это время на далёкой чужой и жаркой земле погиб её сын.

И был самый чёрный в их жизни день. Прибыл «груз 200», гроб с тщательно замазанным окошком. Женские воспалённые губы зацеловывали холодный металл, и он туманился от их дыхания. Из войсковой части прибыли солдаты и офицеры с оркестром. Тело Леонида Шиляева тихо вынесли из родного дома, где он ночевал сегодня в последний раз. Тихо донесли до клуба, чтобы с ним простились односельчане. Тихо подняли в кузов с опущенными бортами на свежие пихтовые лапы, обрамлённые пенно-белыми венками.

Нежарко светило ласковое августовское солнышко. Кладбищенские берёзки усиленно шевелили тоненькими, начинающими желтеть пластинками листьев. Стекланные паутинки летели и зацеплялись за обнажённые головы неподвижно стоящих людей. Прозвучали оглушительные выстрелы, спугнув кладбищенских галок. Вот и всё.

Сын погибшего капитана Леонида Шиляева, тридцатидвухлетний майор Виктор Шиляев несёт сегодня службу в рядах Российской Армии.

И СНИТСЯ ЕЙ СОН...

И снится ей сон. Будто среди ночи раздается звонок в дверь. П Подходит она торжественная, готовая к чему-то, одетая в новый белый плащ. Открывает – стоит Антон с другом: высокие, красивые, оба с рюкзаками. Жадно, жадно тянет она руки обнять сына, а порог перешагнуть не может – и медленно сползает по стене на пол. И слышит над собой голоса. Друг спрашивает: «Антон, чего это твоя фотография на столе в черной рамке?» Сын молчит. «А с мамой твоей что такое?» И снова сын молчит. А потом говорит: «А с мамой сейчас всегда так будет». Проснулась, бросилась к двери – никого.

Он в садике уже характерный, своевольный был. Скажет: моя правда, значит так тому и быть. Учительница в школе говорила: «Вы на оценки не смотрите, Антон у вас человеком будет. Такой честный, справедливый, по-хорошему упрямый». С одиннадцати лет нашел себя в спорте: самбо, карате, дзюдо. В 14 лет в справке прибавил себе два года и записался в парашютную школу.

Об армии Антон мечтал, непременно чтобы в десантные войска. Зрение было слабоватое, так он выучил таблицу, даже ижевская комиссия ничего не заподозрила. На провожанках в гостеприимной квартире Ушаковых собралось 60 человек. В основном его друзья – спортсмены: коротко стриженные, широкоплечие, ростом под потолок. Не курили, водки ни капли – только сок, компот, чай. Когда его в вагон хотели внести на руках, кто-то крикнул: «Вы что?! Только чтобы сам: своими ногами войдет – своими ногами выйдет».

Служил в Литве, в Нагорном Карабахе. Демобилизовался, вернулся домой – работы нет, в охране платят копейки. А тогда уже про Чечню заговорили. «Мама, я без армии не могу. Столько безусых мальчишек гибнет, а я отсиживаться буду?!» Всю ночь тогда на кухне просидели, проговорили. «Сыночек, может, я такая плохая мать, удержать тебя не могу, что-то не то делаю, ты скажи...» Он вот так руки через стол протянул, закрыл своими крупными ладонями ее руки: «Никогда так не говори, ты у меня самая лучшая». Все же ей удалось его уговорить: заключил контракт, направили в Казахстан. Так, по крайней мере, он сказал. А письма шли почему-то с обратным адресом: «Москва-400».

Как-то разговорилась на улице с женщиной. «Клавдия Яковлевна, от моего-то сынка из Чечни письмо пришло. Адрес странный...». Только и смогла выкрикнуть: «Адрес, адрес какой?!» – «Москва-400...» Не помнит, как добрела домой. Села, написала письмо на четырех или пяти листах – будто не чернилами писала, а собственной кровью.

21 марта в пять часов утра проснулась от резкой, тянущей боли в сердце. То к балкону бросится – воздуху глотнуть, то вдруг на колени перед Антошкиной фотографией опустится. Ничего, вроде отпустило. А спустя несколько дней соседка с работы поджидает, с лестницы свешивается: «Клав, поднимись-ка ко мне. Тут из военкомата приезжали, у Антона документы спрашивали». Поднялась, соседка вокруг нее засуетилась: «Клав, пирогов вон поешь, молочка попей свежего, деревенского». Это она страшную весть вымолвить не решалась.

Дома Клавдия Яковлевна не успела переодеться – звонок в дверь. Открыла – в глазах почернело. Полный подъезд народу: соседи, знакомые, фабричное начальство, люди в белых халатах, мужчины в военной форме. Успела еще почувствовать крепкое офицерское рукопожатие: «Крепитесь...»

Потом, когда немного спала траурная пелена похоронных обрядов, когда понемногу научилась заново воспринимать жизнь, ей рассказывали однополчане: 21 марта в пять часов утра в бою Антон прикрыл собой командира от трассирующей пули. Пуля та перебила руки и ноги и буквально вынесла Антону всю спину. А в гробу лежал – будто спал. Лицо розовое, только слезинки все скатывались из глаза с той стороны, где мама сидела.

ГРУЗ 200

Говорят, нет ничего страшнее смерти. Есть. Это жизнь после смерти собственных детей. Передо мной сидит женщина, пережившая самое страшное. Рассказывая о сыне, то сжимает обеими руками воротнички, точно её что-то душит, то неловко отворачивается, чтобы спрятать слезы.

У Кости на фотографии строгое, мужественное – и одновременно милое, нежное, тонкое лицо – таких отбирают на роль офицеров-аристократов в военные фильмы.

– Он первые полгода в Самаре в «учебке» служил, получил звание младшего сержанта. Потом приходит письмо, обратный адрес: «Москва-400».

Пока конверт вскрывала, голову ломала: неужели в Подмоскowie мой Костя служит? А как вскрыла: «Привет из Грозного». Грех сказать, первой мыслью сразу было: «Убьют!» Каким извергам, зверям могло придти в голову отправить под кривые ножи и снайперские пули матерых головорезов мальчишек, полгода назад впервые взявших в руки ружье, знавших до этого о войне только по мультикам?! Тогда по телевизору уже многое о Чечне было известно.

Май, июнь, июль – все шли хорошие, успокаивающие письма. Брату наказывал: «Береги маму». Маме: «Не копай одна картошку». Отцу: «Как здоровье, чернобылец?» Описывал, в каком сказочном месте остановились: вверху хребет, снег на нем сияет как сахарный. А внизу буйное, яркое, душистое разноцветье. Санаторий, а не война. Последнее письмо написал шестого августа. О том, что бой предстоит – ни словечка. И всё – письма как отрезало.

Пошла в военкомат. Военком спросил участливо: «Сердце что-то подсказывает?» – «Совсем немоготу». Составили, отправили телеграмму.

А в новостях только слышно было, как ножом по сердцу: «205-я бригада... 205-я бригада...»

Костя в ней служил, сопровождал в БТР командиров. «Мы с мужем новости смотрим, ни словом не перекинемся. Единственный раз только спросила:

– Как ты думаешь, он живой?!

– Конечно.

А я про себя думаю с отчаянием: «Ой, нет, не живой наш Костя».

В сентябре вызвали нас в Ростов на опознание. Пока ехали, небо до горизонта затянуло низкими тучами. Все время шел дождь, мутные струи омывали вагонное стекло. Костя, Костя, не я одна – небо и земля о тебе лили слезы. В Ростове рефрижераторы, как мороженым мясом, были забиты телами. Тех, кто не поместился – растащили по палаткам. Смрад, роценики ползают, кому-то крысы половину ноги отгрызли. «Кого ищите? Ну, вам надо – вы и ищите». Может, деньги надо было сунуть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.